

Наталья Корсакова

Скала

Дашка Голубкина в нашем седьмом классе человек заметный. Ну, в смысле она большая. Не толстая, просто какая-то вся крупная и высокая. Почти все пацаны ей до подбородка. Только Арсен ее выше. И я.

Мы вообще-то девчонок правильно называем: Лена, Маша, Соня. А вот с Дашкой всё по-другому. Не зря у нее прозвище Скала. Кремень, а не человек. Дашка может пацанов разнять одной левой. Врезать тоже может. Но всегда по делу. За это мы ее и уважаем.

Утром, только я в лицей пришел, как Дашка меня в коридор вызвала.

— Слушай, Карась, — говорит, да так серьезно, я аж забеспокоился. — Дело есть.

Вообще-то я не люблю, когда из моей фамилии кличку делают, но Дашке можно.

— Какое? — спрашиваю.

— В кино хочу вечером сходить, — Дашка вдруг покраснела. На щеках такие четкие красные пятна проступили. Я на них уставился, интересно же, будто изнутри лампочки зажглись. — Но так поздно мне мама не разрешает.

Я даже удивился. Зря ее мать беспокоится, Дашка себя в обиду не даст. Один раз она взглядом нервного чела в магазине остановила. Прямо пригвоздила к стене. Сам видел.

— А я тут каким боком?

Дашка насупилась. Пятна разом исчезли.

— Карась, не тупи. Нужно чтобы со мной кто-нибудь ходил. Кстати, билеты у меня уже есть. Пойдешь?

Выпалила на одном дыхании, даже запыхалась. Я нехило офигел. Это же полная жесть. Со Скалой в кино? Да никогда!

— Не, — трясую головой. — У меня дел полно.

— Карась, отмени всё. Соглашайся.

И билет мне протягивает. Я аж напрягся. Показалось, если откажусь так и врежет от души.

— Не могу, — я чуток попятился на всякий случай.

— Карась, — опять на ее щеках лампочки зажглись, — говори прямо. Я пойму. Ты же знаешь.

Вот нравится мне это в Дашке, с ней можно без всякой девчачьей деликатности говорить.

— Ты у нас Скала, — я изобразил руками что-то большое и монолитное. — А моя хилая тушка на твоём фоне будет смотреться трофеем. Пацаны же засмеют.

— Понятно, — она уставилась под ноги. — Ладно, свободен.

Билет в ладони смяла. Мощный у нее все же кулак.

Тут звонок прозвенел, я в класс помчался. И только в конце урока понял, что Дашки нет. Свалила что ли? Вообще-то она у нас старательная. Уроки не пропускает.

Так до конца занятий больше о ней и не вспоминал. И зря, как оказалось.

После уроков выскочил на улицу, а там опять дождь. Нудный такой, в мелкую капельку. Но под него гулять хорошо. Решил сходить к красному замку. На самом деле это не замок, а заброшенная водонапорная башня, но любители эльфов, которые в ней частенько тусуются, так ее называют.

Вообще-то на башню подниматься строго запрещено. Но эльфийский народ просачивается сквозь любые запоры, оставляя лазейки для всех желающих. В одну из них я и пробрался.

Гляжу, а на перилах смотровой площадки Дашка сидит. Причем ноги свесила наружу и рассматривает что-то внизу. Мне аж поплохело. Если с такой высоты наверхнуться, мало не покажется.

— Дашка, ты бы слезла. Перила скользкие.

Она глянула на меня через плечо. Словно взглядом укусила. И отвернулась.

— Вали отсюда, Карасёв.

Голос мне ее не понравился. Тусклый какой-то.

— Слезь, пожалуйста.

Над ее головой навеса не было. Дождь копился в растрепанных волосах и капал с волнистых прядей ей на плечи. Я раскрыл зонт и подошел к Дашке. Но кажется, она даже не заметила, что перестала мокнуть.

— Шел бы ты отсюда, — губы у нее дорожали, то ли от холода, то ли от злости.

— А пошли вместе. Тут недалеко кафешка есть...

— Да уйдешь ты или нет! — вдруг заорала она.

— Скала, ты чего? — я так удивился, что даже зонт закрыл. — Я ж свой.

— Уходи, Карась, — сказала тише, но голос все равно звенел, как перетянутая струна.

— Да что стряслось?

— Вниз хочу, а ты мешаешь, — не сказала, выплюнула слова.

— Не понял, — но тут мне так поплохело, что коленки подогнулись. До меня дошло, что Дашка собирается прыгнуть с башни. — Скала, ты чего? Ты самая крутая девчонка в школе. Не делай этого!

— Отвали, — она посмотрела вниз и сглотнула.

Два шага. Нас разделяло два шага. Время вдруг замедлилось. Я увидел, как застыл в воздухе дождь. Капли висели ртутными шариками и это было страшно.

И что хуже всего, я понимаю, что пошевелиться не могу. Будто вморозило в лед. Вот сейчас Дашка соскользнет вниз, а я буду стоять и смотреть. Стоять и смотреть.

Такая меня злость вдруг проняла. На себя, на дождь, на Дашку. Рванулся к ней через тугой воздух, а в голове стучит: успеть, успеть, я должен успеть! Не помню как с перил стащил. Мы с грохотом рухнули на пол.

— Придурок! — взвыла она.

— Сама дура! — заорал я, вскакивая. — Ты о родителях подумала?

— Без меня им лучше будет, — она сидела на полу, обессиленно опустив большие руки на колени.

Я смотрел на нее, хватая ртом воздух. Не было у меня тех нужных слов, чтобы переубедить ее. Пусть я сегодня ее остановил, но наступит завтра или послезавтра, когда никого не будет рядом.

— Даша, — я сел рядом. — Почему?

— Я не скала, — она вдруг вцепилась в мою руку, обожгла отчаянием во взгляде. — Я просто толстая. Понимаешь? А ты мне нравишься. И все надо мной смеются! Я больше не хочу так! Понимаешь?

— Я не знал, что ты... — я замолчал, мне не хватало слов. — Я думал, ты как рыцарь, вся в броне. И тебе всё пофиг.

— Забудь, — она оттолкнула мою руку и встала.

Я поднялся. Мне хотелось как-то утешить ее. Еще совсем недавно, я бы хлопнул ее по плечу, сказал бы что-нибудь тупое и ободрительное. Но теперь Дашка вдруг стала такой пронзительно хрупкой, и я не знал что с этим делать.

— У меня нет чувства юмора, — неожиданно вырвалось у меня. — Я шуток не понимаю.

— Врешь, — она глянула искоса. — Ты всегда ржешь, как конь.

— Шифруюсь. Я дома перед зеркалом специально отработывал как смеяться. И каждый раз боюсь, что ржу не в тему.

— Боишься? — не поверила она. — Ты?

Я кивнул. Она смотрела так, будто вместо меня мокрого котенка увидела.

— Игорь, ну почему мы не такие, какие внутри? Каждый в своей скорлупе. Мы не видим друг друга.

— Но, если нас столкнуть, — я потер ушибленный локоть, — скорлупа треснет. И всё прояснится. Люди так устроены, им сложности нужны.

Ее смарт вдруг врубился на полную громкость и бархатный мужской голос ликующе пропел: «Ночь пройдет, пройдет пора ненастная, солнце взойдет! Солнце взойдет!»

Дашка ойкнула и засмеялась. Я почему-то тоже. Мы хохотали, держась за животы, утирая слезы, и не могли остановиться.

А телефон всё выплескивал щедрое: «Солнце взойдет! Солнце взойдет!».